
*Из стенограммы обсуждения
доклада А.Н.Соколова «Род, вид и жанр»
(ИМЛИ, 28 апреля 1941 года)*

<...>

Тов. Кацнельсон: Мне думается, что самым важным в вопросах жанра является проблема общеисторического. Всегда и литературоведа, и теоретика литературы смущал вопрос повторяемости жанров в различных литературных направлениях на различных исторических этапах и вместе с тем историческая эволюция жанра, наполняющая новым содержанием и решение этой проблемы общего и исторического. <...>

И мне думается, что задачей такого доклада было именно показать, в чём равноправность этих двух основных видов литературы — эпоса и лирики, как двух форм познания, ни в коем случае не отдавая предпочтения ни одному из этих родов литературы¹. <...>

Мы знаем, что сейчас актуальны только вопросы лирики и эпоса, — М.И.Калинин в последнем своём докладе поставил вопрос о необходимости создать сейчас советский эпос, отметив при этом, что все условия для создания такого эпоса налицо. Так что осмыслить теоретическое понятие эпоса, дать демаркационную линию между эпосом и лирикой было основной задачей сегодняшнего доклада.

Тов. Петров: <...> Пора признать откровенно, что в отношении проблемы родов поэзии, эпоса, лирики и драмы, мы недалеко ушли в теоретических представлениях от того, что говорят эстеты².

И ничего особенно нового мы в данном случае не разработали в отношении этой проблемы, кроме того, что делаем просто ссылку на объекты и субъекты, варьируя

это, как кому нравится. То же самое в отношении жанров и видов.

О видах и жанрах. Задача доклада была не в том, чтобы доказать, что нужно употреблять термин «вид» и термин «жанр». Об этом мы можем найти у Белинского, — скажем, поэма и различные модификации³. Весь вопрос в том, каковы должны быть принципы модификации<,> и здесь доклад в высшей степени не удовлетворил меня.

Докладчик перечисляет все возможности для определения того или иного жанра — и развитие идей, и социальная борьба, и национальный момент, — но всё это можно отнести к любой проблеме литературы<,> и если мы возьмём тематику — мы будем иметь то же самое; если возьмём характер — опять-таки то же. Это ни в коей мере не вскрывает специфику вопроса⁴.

Когда речь идёт о видах<,> дело более чётко, поскольку исторически определились эти виды — роман, трагедия, новелла и т.д. Как только дело касается жанра<,> докладчик сам начинает путаться: то он берёт стилевой принцип и говорит о романтической трагедии; то он берёт видовую окрашенность — комическая новелла или сатирическо-лирическое произведение; то он берёт принцип объёма, то принцип повествования. В конце концов<,> можно взять любой момент в произведении и на нём построить классификацию жанровых модификаций видов.

<...>

Принцип модификации жанра докладчиком дан несколько общо, суммарно, <как> относящийся к любому компоненту литературного произведения, что снова воцаряется тот же хаос в этом отношении, что существует до сих пор.

Тов. Венгров: <...> Что же касается основного вопроса доклада — предложения ввести ещё один

термин, нужно сказать следующее: в работах Леонида Ивановича и Геннадия Николаевича (больше у Леонида Ивановича) имеется полная сноска по этому поводу. Будем употреблять термин «жанр», термин, очевидно, идентичный «виду», а не являющийся разновидностью или противопоставлением ему⁵.

<...>

Вряд ли необходимо вводить такой термин. Совершенно справедливо говорилось здесь об этом, — что нет необходимости ввести ещё один не разъясняющий термин, тем более, что любая категория — и тот же вид, и род — имеются уже общие и литературные<,> и исторические.

<...>

Я не пришёл к выводу о необходимости включения нового термина жанра, ибо представляю себе, что и в виде можно иметь соответствующие повороты, где увидим, как вид является некоторой <категорией> общей и изменяющейся в исторической обстановке на разных этапах.

Тов. Бахтин: Я совершенно согласен с т. Петровым, что в области теории и рода, и жанра мы недалеко ушли от Аристотеля. В сущности говоря, мы никуда не ушли. Историческая точка зрения действительно существенной методологической разработки не нашла. Наш историзм в вопросах жанра внёс только массу сырого эклектически подобранного материала в ту основу, которую дал Аристотель⁶.

В ряде вопросов о жанре, если взять аналогию с естествознанием, мы находимся на линнеевской, на плиннеевской стадии. Аристотель в области жанров — это Плиний в области биологии<,> даже не Линней⁷. На этой плиннеевско-линнеевской стадии мы находимся.

То, что по сравнению с Линнеем расширился

самый материал, это дела не меняет. Это бремя, которое отягощает нас, но мало нам помогает. Мы не изменили основные предпосылки, в частности, отношение общего к особому, или отдельному и т.д. Эта-то основа не представляется как раз тем, от чего нужно прежде всего исходить. Это не значит, что категории общего и особого не будут играть роли в нашем рассмотрении теории жанра. Мы без них обойтись не можем<,> как и всюду, но сводить специфику проблемы к специфике общего и особого является именно антиисторическим аристотелевским логистическим принципом<,> как линнейский⁸ принцип, совершенно для нас недопустимый.

Мы должны исходить из исторического принципа, а здесь, грубо говоря, вместо общего оказывается нечто совершенно другое. Оказывается<,> традиция жанра, уж если так непременно брать то слово, которое мы должны поставить вместо слова “общее”. Жанр — это есть традиционное, это то, что я получаю как творящий художник. То, что мне дано, как дана форма языка<,> — это аналогия, это не отождествление.

Но отношение примерно такое: язык не есть нечто общее по отношению к моему конкретному высказыванию.

Если бы мы стали с вами говорить, что языковая его форма, тот язык, которым я творю, есть общий, а то, что я говорю<,> — это особый, то вряд ли мы могли бы что-либо существенное сказать и о моём высказывании<,> и о моём языке.

Язык — это то, что мне дано, что гораздо больше, гораздо богаче всякого отдельного высказывания. Это отдельная совокупность не отвлечённых норм, а совокупность возможностей, которые могут быть реализованы каждый раз мною, определённым автором, определённым направлением лишь в ничтожной степени.

Это есть возможности и, как всякая возможность, всё<,> что нам дано, она имеет границы.

Жанр, прежде всего, даёт нам нечто, без чего я мыслить не могу, а в то же время, давая, он нас ограничивает. Мы в нём, как в чём-то, безмерно большем, чем данное конкретное произведение, и в то же время он даёт определённые границы для нашего творчества.

С этой точки зрения жанр ни в коем случае нельзя определять как вид. Это не вид, это совершенно реальное историческое образование, как и формы языка, так сказать, никогда не формируют и не дают нам целого, форма высказывания.

Жанр, конечно, есть и в науке, и в практических высказываниях, практических беседах, имеющих свой устойчивый и мало изученный жанр.

Литература имеет свои жанры<,> и они, конечно, суть формирование целого. Лингвистический подход — для целого высказывания, лингвистического определения нет. Здесь мы вступаем в новую сферу<,> и эта сфера есть жанристика. Здесь начинается оформление целого. Жанр есть форма целого, которая традиционна, как форма языка. Она вовсе не обща, она так же, как форма языка, конкретна, но эта форма касается не элементов нашей речи и не элементов нашего литературно-творческого процесса, а формы целого.

Я не намерен здесь развивать форму жанра, это неуместно, я даю свою точку зрения, может быть<,> не обоснованную, но мне кажется, что она могла бы несколько сдвинуть нас в этой проблеме и отвести от чисто логических рассуждений. Здесь дальше Аристотеля мы не пойдём, а когда мы подойдём к жанру как языковому целому в классификации литературной, мы, возможно, сможем сказать нечто новое и в области жанров. Этого в докладе я не нашёл.

Конечно, проблема жанров настолько сложная проблема, что здесь предстоит большая работа, и работа рискованная.

Здесь нужно не бояться смелых концепций, не бояться формулировок, нарушающих общее представление о жанрах, нужно рисковать.

Без больших каких-то решений, путём которых создавалось дарвиновское понимание видов в области биологии, нельзя здесь ничего делать. Пока мы будем держаться за школьные категории жанров, мы никогда этой проблемы не разрешим.

В докладе была интересная попытка ввести двойную терминологию «жанр» и «вид». Логически <эта> точка зрения ведёт к осложнению терминологическому, но по существу мне не представляется целесообразным различие жанра и вида-направления как силы<,> создающей жанр. Здесь чрезвычайно типическая ошибка биологического подхода к жанру. Разве направление может создать жанр?

Сущность направления, что жанр сохраняет живо то, что направление получает. Направление ощущает жанр.

Это я сегодня говорю, это я своим языком воспользуюсь<,> и я исключаю из своего языка<,> и поэтому язык как то, что я получаю здесь, приобретает особую напряжённость именно для направления жанра. Это есть та реальность, с которой направление начинает работать, на языке которого может себя выразить. Между тем, здесь получается, что направление создаёт язык, тогда как направление создаёт направленно-вершину, которая на следующий день становится объектом пародии, а то, что осознается<,> войдёт в единый национальный язык — это большая проблема. Сделать направление жанра творческой силой — это грубая ошибка, но очень

органически связанная с общим логическим подходом к жанру.

Тов. Тимофеев: <...> Я подменил понятие «традиция» понятием «функций», не отрицая того, что традиция исторически существует в огромной степени.

Если я сравниваю роман Гюго и роман Горького, то я их наложить не могу идейно друг на друга. Там разные темы, идеи, не сходные характеры, сюжеты, нет общего в языке, но я ощущаю, что передо мною роман и тут и там.

Какую же традицию вы тут ощущаете? Традиция тут существует в подходе к действительности, в некоторых функциях, которые себя проявляют в зависимости от того, что этого требует природа автора в данной ситуации⁹.

<...>

Мы, конечно, никогда не будем в состоянии исчерпать все эти проявления. Я согласен с замечаниями, что мы никак не можем объяснить направлением все исторические модификации, — всё<,> в чём они не совпадают, это продукт направления, а функционально — это другое.

Когда я говорю «полководец» — под это понятие подойдёт и Цезарь, и Алкивиад, и Суворов, — никто меня не обвинит в отсутствии историзма — это понятие функциональное. Когда я говорю «поэт», ясно, что я включаю любого деятеля поэзии от Гомера до Жарова. Мне думается, что когда мы имеем дело с понятием жанра и говорим — «роман» — то в понятии романа у нас будут различные точки зрения.

Гомер не похож на Жарова. В этом направлении<,> мне думается<,> нужно сначала попытаться действительно определить наиболее структурные, всё-таки, функциональные свойства жанра, не боясь на этом этапе обвинений в<o> всякого рода формально-исторических

явлениях. Здесь историзм не всегда выступает на сцену, как хронология. Это избавило бы вас от излишне дробного рассмотрения этой проблемы.

Мне казалось бы, что, идя совершенно правильным путём разграничения понятий, вы должны были бы сделать ещё более отчётливый шаг, чтобы освободить себя от давления этого косного историко-литературного материала, и потом вы вернётесь к ней¹⁰ с более точной аппаратурой, которая позволит вам поставить его исторически на его надлежащее место.

Вот замечания, которые я хотел бы сделать.

Ещё замечания имеются? Нет замечаний. Тогда разрешите предоставить слово докладчику.

Тов. Соколов: <...> Я исходил из того, что между категориями вид и жанр — самые тесные взаимоотношения и различие чрезвычайно условно. Мне думается, что это условное различие и есть различие этих двух условных категорий, <которое> в какой-то мере облегчает нашу конкретно-историческую работу¹¹. Каким образом? Конечно, понятие «литературный вид» или «жанр» — понятие историческое. Конечно, на каждом историческом этапе тот или иной вид выступает в определённой форме, объясняемой соответствующими условиями, наполняется определённым конкретным содержанием.

Но, всё-таки, ведь есть что-то общее, что даёт нам право относить данную конкретную модификацию этого вида к определённому виду. Когда говорят, что советский роман есть нечто принципиально новое по сравнению со старым буржуазным романом, то, всё-таки, говорят о романе, а не о другой категории. — Правильно или неправильно?

(Голоса: Правильно)

...Мне думается, что нам целесообразно и для этого общего, что сохраняется на известном историческом

этапе, сохранить понятие литературного вида.

Но эти литературные виды имеют чрезвычайно большое количество модификаций в процессе их исторического пути. Эти модификации целесообразно называть литературными жанрами. Это не есть нечто противоположное, но одно и то же. Изучая роман, мы обращаем внимание на то, что здесь общего, что изучает теория литературы, а сели мы изучаем конкретное бытование в данной литературной обстановке, мы изучаем его как жанр.

<...>

Что же касается принципа дифференциации жанров, то если говорить о жанре как некой исторической модификации литературных видов, то мы этот принцип найдём в литературных направлениях.

Леонид Иванович Бахтин говорили, что нельзя литературное направление считать определителем жанра. Если говорить по отношению к видам, то я подчёркиваю, что вид стоит НАД жанром. Неправильно т. Петров предлагал, если мы не хотим стать на позицию полного произвола, что в зависимости от наполнения исследователю можно группировать как угодно. Это «как угодно» — едва ли продуктивно.

Нужно установить принцип, что является основной категорией литературного процесса, определяющей литературное направление, которое определяют социальные и прочие причины, но в пределах этого направления виды, которые им разрабатываются, изменяют и жанры. В этом смысле, как я говорил, целесообразно разграничивать по принципу литературные направления. Это очень сложно<,> и здесь можно спорить.

Я согласен, что это задача истории литературы, но теория литературы должна осмыслить этот принцип и указать его. А дальше предоставляется дело историку

литературы, который изучает в конкретном многообразии и сложности всю историческую модификацию видов в пределах тех или иных литературных направлений.

На основные замечания я, собственно, ответил, хотелось бы только сказать, что очень интересны замечания т. Бахтина. Они отчасти охвачены моими ответами, но мне хотелось бы выразить сомнение вот в чём.

Когда он говорит о жанрах, как некоторых формах, то я принимаю это с некоторой поправкой, — что эти формы есть форма особого рода, наполненная каким-то содержанием, а не просто форма, в которую можно вложить любое содержание.

Если в такой плоскости говорить о жанрах, как о внутренней форме, — это приемлемо. Иначе получается какое-то выхолащивание содержания этой формы.

Заканчивая, я ещё раз скажу, что моя задача была почти только терминологическая и поэтому всякая попытка дать здесь всю систему родов и жанров я не ставлю¹. Это задача дальнейшей коллективной работы.

Председатель: На этом мы заканчиваем наше заседание.

Я думаю, что вопрос настолько спорен, что председательская резолюция не может помочь докладчику, однако мы к этому вопросу будем возвращаться.

¹ О «двух основных литературных жанрах (или родах): эпосе и лирике» писал в своём учебнике Тимофеев, отводя драме несколько второстепенное место (*Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Учпедгиз РСФСР, 1940, с.159*). Соколов, судя по всему, предпочитал говорить о всех трёх родах поэзии на равных правах.

² Так в тексте.

³ В.Г.Белинский в своей статье «Разделение поэзии на роды и виды» указывает две «модификации» поэмы: эпопею и новейшую «романтическую», или «лирическую» (см.: *Белинский В.Г. Собрание сочинений* в 9-ти тт. Т.3. М.: «Художественная литература», 1979, с.318, 327).

⁴ В разделе «Виды и жанры поэтических произведений» совместного с Абрамовичем учебного пособия Соколов ссылался на чрезвычайную сложность рассмотрения этой проблемы: «Дать здесь логическую классификацию, кладущую в основу одно “основание деления”, невозможно. Неисчислимая и всё растущая литературная продукция распределяется по родам, видам и жанрам на основании различных признаков, относящихся к различным элементам поэтической структуры: и к идейно-тематическому содержанию, и к способу обрисовки образов, и к композиции, и к поэтическому языку» (*Абрамович Г.Л., Соколов А.Н. Теория литературы...*, с.86–87). Вероятно, нечто очень похожее было сказано и в не дошедшем до нас докладе.

⁵ Пospelов после перечисления сказки, былины, романа, повести, басни, баллады пишет: «Всё это разные поэтические виды, или, иначе, поэтические жанры», поясняя в сноске: «Это словоупотребление не совсем точно: слово “жанр” (“genre”) по-французски значит “род”. Но у нас в литературоведении принято называть жанрами виды)» (*Пospelов Г.Н. Теория литературы*. М.: Учпедгиз, 1940, с.100). Тимофеев даёт по этому поводу более развёрнутую сноску: «Следует оговорить терминологическую нечёткость, существующую в литературе: иногда лирику, эпос и драму рассматривают как литературные роды, а их формы — как литературные виды; иногда формы их именуют жанрами, иногда жанрами именуют и то и другое. Здесь мы употребляем понятие “жанра” в смысле рода, а понятие “формы жанра” — в смысле вида» (*Тимофеев Л.И. Основы теории литературы*. М.: Учпедгиз, 1940, с.159).

⁶ Между прочим, эта мысль звучит и во втором докладе Бахтина: «В сущности, теория <...> готовых жанров и до наших

дней почти ничего не смогла прибавить существенно нового к тому, что было сделано ещё Аристотелем. Его поэтика остаётся неизблемым фундаментом теории жанров (хотя иногда он так глубоко залегает, что его и не увидишь)» (*Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа)...*, с.452).

⁷ Плиний Старший, Гай Плиний Секунд, (23 или 24–79) — автор «Естественной истории» в 37 книгах, свода естественнонаучных знаний античности, перемешанных с фантастическими рассказами, небылицами и анекдотами. Карл Линней (1707–1778) — знаменитый шведский естествоиспытатель, автор «Системы природы», в которой все растения и животные были расклассифицированы по классам, отрядам, родам, видам и вариациям. Отрицал историческое развитие органического мира, считая число видов постоянным от «сотворения».

⁸ Так в тексте.

⁹ Об этом же идёт речь и в учебнике Тимофеева: «В структурном различии в смысле охвата действительности в различных формах её сложности и развёрнутости и заключается прежде всего функциональное отличие одной жанровой формы от другой. В этом же заключается и их сходство (функциональное и конкретно-историческое) в различные периоды: роман дворянской и роман пролетарской литературы выполняют однородную функцию — дают наиболее всесторонне-синтетическое отражение действительности, но качество их, само содержание, конкретные причины обращения к большой эпической форме, — всё это определено конкретно-историческими причинами» (*Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Учпедгиз РСФСР, 1940, с.166*).

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Так в тексте.

¹² Так в тексте.